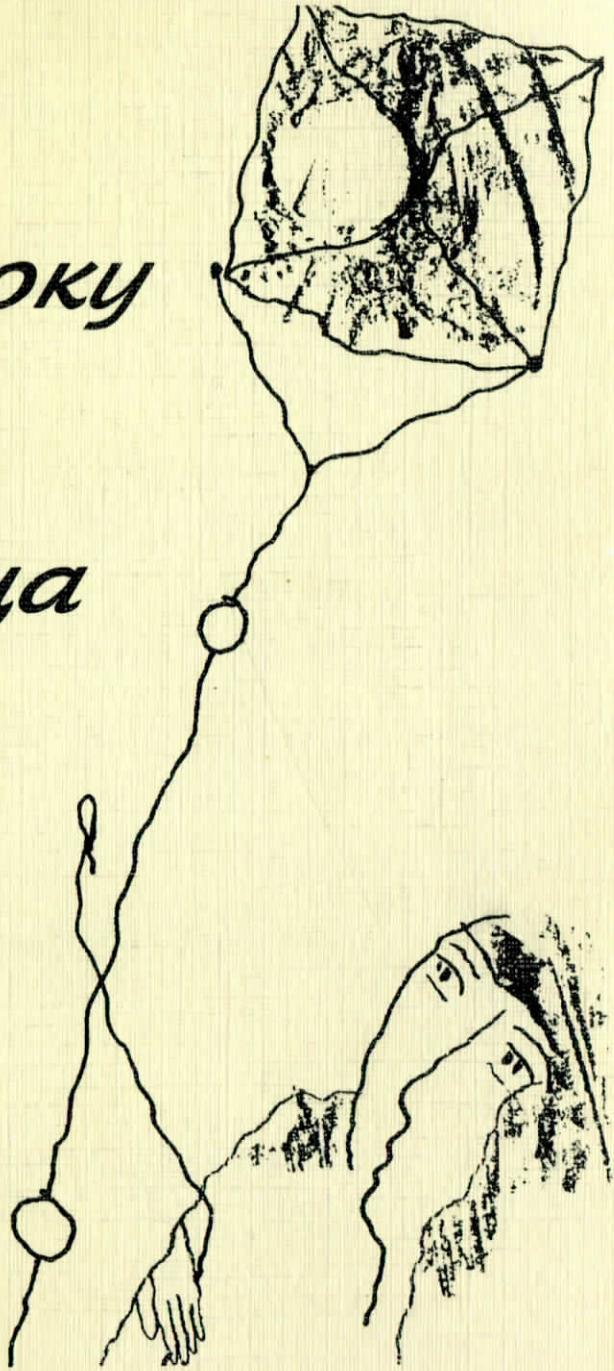

*К
востоку
от
солнца*

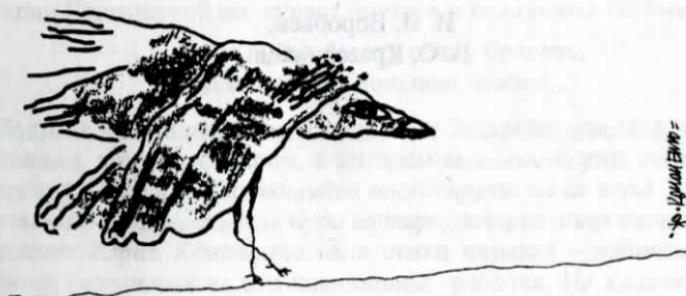
2001

К востоку от солнца

Выпуск 3

Стихи и переводы

• ПУМБА •

Новосибирск
2001

УДК 8 – 1 /194

ББК Р2

K11 К востоку от солнца: Стихи и переводы / Новосиб. гос. ун-т.
Новосибирск, 2001. Вып. 3. 216 с.

ISBN 5-94356-026-2

Эта книга – третий выпуск альманаха Клуба поэтов НГУ. Почти все стихи и переводы публикуются впервые. По возможности приведены сведения об авторах и / или выражение их позиций. Дух дружеского поиска объединяет нас, где бы в широком мире мы ни оказались со своей судьбой и со своим словом. Приходят новые стихи, новые люди... Освоение территории К ВОСТОКУ ОТ СОЛНЦА продолжается.

УДК 8 – 1/194
ББК 32

Редакторы-составители

И. И. Воробьев,
В. О. Красавчиков

ISBN 5-94356-026-2

© Новосибирский государственный
университет, 2001

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ПЕРЕВОДУ «ОХОТЫ НА СНАРКА»

В.А. Успенский

«Это, конечно, сумасшедшая теория. Однако она мне кажется недостаточно сумасшедшей, чтобы быть правильной новой теорией». Над этой фразой можно было бы просто посмеяться, сочтя её шуткой, но она была сказана всерьёз. И сказал её великий физик Нильс Бор другому великому физику Вернеру Гейзенбергу. С неё, с этой фразы, возможно, будет отсчитываться новый этап в теории познания. Потому что в ней было впервые провозглашено, что представление о мире как об абсурде является одним из законных и даже необходимых способов познания мира.

Философия, и прежде всего тот её раздел, который называется гносеологией, или теорией познания, предлагает формулы, с одной стороны, объясняющие нам, какими способами мы пользуемся в процессе познания, а с другой – внушающие нам эти способы. Одна из таких формул – только что приведённая цитата из Бора. Но механизм образования внутри нас модели окружающей действительности – а в эту действительность входят и люди – не исчерпывается утверждениями, сформулированными явно. Не менее важны воздействия косвенные. Среди источников таких воздействий почётное место принадлежит искусству и литературе. Подобно философии, они отчасти объясняют нам нас самих, а отчасти управляют нашими мыслями и поведением, но, в отличие от философии, объясняют и управляют, не объявляя своих целей, действуя скорее на подсознание, чем на сознание. Если наука даёт модель мира в виде некоторых более или менее эксплицитных схем, то искусство и литература создают модель в виде художественных образов. И коль скоро черты абсурдистского видения мира, проявившиеся в потребности сумасшедших теорий, проникли в высокую науку, неудивительно, что начиная со сказок эти черты прослеживаются и в литературе.

Признанным классиком литературы абсурда является Льюис Кэрролл. Его две знаменитые «Алисы»: «Алиса в стране чудес» и «Алиса в зазеркалье» – неоднократно издавались в русских переводах. Так что Кэрролл как прозаик хорошо известен русскоязычному читателю. Менее известен этому читателю Кэрролл как поэт, хотя обе «Алисы» полны замечательных стихов. Конечно, они присутствуют и в русских переводах, но воспринимаются как бы на втором плане, заслонённые прозаическим повествованием. Их содержание мало связано с основным сюжетом. К тому же они зачастую представляют собою пародийное обыгрывание стихотворений, знакомых каждому англичанину, но, разумеется, отнюдь не каждому русскому. Поэтому в русских изданиях эти кэрролловские стихи зачастую не переводят-

ся в обычном смысле этого слова, а заменяются совсем другими стихотворными текстами в попытке создать у русскоязычного читателя тот же эффект, какой англоязычный читатель получает при чтении оригиналов. Борис Заходер, справедливо назвавший своё переложение «Алисы в стране чудес» на русский язык не переводом, а пересказом, в конце пересказа признаётся: «... Лишний раз убедился, что переводить “Алису” нельзя! И пришлось мне написать совершенно другое стихотворение».

Вершиной поэтического творчества Кэрролла является его поэма «Охота на Снарка» (*The Hunting of the Snark*), датированная 1876 г. На мой взгляд, это ещё и одна из вершин мировой поэзии. Что есть поэзия и в чём её цели – вряд ли всё это можно выразить ясным, исчерпывающим и убедительным образом. По крайней мере одна из целей состоит в том, чтобы на сравнительно коротком пространстве текста путём сочетания смысла и музыки слов оказать на читателя и сл�ушателя максимальное эмоциональное воздействие. В поэме Кэрролла это достигается. Но как раз это обстоятельство делает задачу её перевода почти невыполнимой.

Трудности подстерегают переводчика уже в подзаголовке: *An agony in eight fits*. Из знаменательных, т. е. неслужебных, слов здесь не вызывает сомнений только слово *«eight»*. Это, бесспорно, восемь. А вот *«agony»* может значить и «муки», и «агония», и «смертельный борьба», и даже «любой взрыв эмоций» (в частности, «взрыв смеха»). Слово *«fit»* означает «приступ» (например, приступ энергии, но и приступ болезни), «припадок», «пароксизм», но также и «баллада», и «часть баллады», и «песнь как отдельное произведение», и «песнь как часть поэтического произведения». Так что же такое «Охота на Снарка» – агония в восьми припадках или же взрыв хохота в восьми песнях? Надо полагать, и то и другое. И признать, что любой перевод будет неточным, так как не сможет передать этой многозначности.

Но проблема перевода подзаголовка при всей её важности – это всё-таки проблема частная. Как сохранить напряжённый ритм поэмы, переводя её строфа в строфу, при том, что русские слова в среднем длиннее английских? Как сохранить её лёгкий, ироничный, парадоксальный тон? Имена всех действующих лиц в английском оригинале начинаются на букву *«В»* (вторую букву английского алфавита); муга перевода требует, чтобы в русской версии все имена начинались на букву *«Б»*. В «Постскриптуме к русскому изданию» своей «Лолиты» Набоков, – а он был едва ли не единственным писателем, свободно владевшим обоими языками – указывает на непреодолимые трудности, встречающиеся при попытке передать средствами русского языка такие особенности, как «столкственные английским тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная перекличка между отвлечённейшими понятиями, роение односложных эпитетов». И

это – о переводе прозы, что уж тут говорить о переводе стихов, да ещё столь своеобразных, как стихи Кэрролла.

Долгое время я считал, что перевод «Охоты на Снарка» на русский язык вообще невозможен. Тем не менее переводы мало-помалу стали появляться.

В 1981 г. в московском издательстве «Машиностроение» вышла книга Д. Геллера, Д. Фридмана «Структурное программирование на АПЛ». На её страницах встречаются отдельные фрагменты из кэрролловского «Снарка» в переводе М. С. Фанченко. Переводились ли только эти фрагменты или же поэма переводилась целиком – оставалось неясным.

В 1991 г. отдельной книгой выпустил перевод Григорий Кружков: *Льюис Кэрролл. «Охота на Снарка: Агония в восьми воплях»*. Копирайт датирован 1990 г., книга вышла в издательстве «Рукитис», местонахождение которого остаётся неясным (как и должно быть во всём, что связано со Снарком). В выходных данных указан тираж 400 тыс. экз., а также цена: 13 р.; не уверен, тем не менее, что эту книгу легко достать.

В 1992 г. вышла чрезвычайно экстравагантно оформленная книга: Эдвард Лир, Льюис Кэрролл. Целый том чепухи (Английский классический юмор XIX века) / Пер. с англ. Сост., предисл. и прим. Е. В. Клюева. М.: Объединение «Вссесоюз. молодёж. кн. центр», 1992. На с. 76 – 119 помещён перевод поэмы Кэрролла, причём сама поэма названа так: «Охота на Смарка: Агония в восьми приступах». Появление слова «Смарк» переводчик объясняет следующим образом: если английское «Snark» вызывает ассоциации со словами «shark», «snake» и т. д., то русское «Смарк» должно заставить вспомнить слова «мрак», «смрад», «насмарку» и т. д. В переводе вообще много необычных слов: Бомцман (потому что он делает «бом-бом» колоколом), Бандид и др. Направление исканий переводчика понятно, но всё же и в этих словах, и в замене Снарка на Смарка ощущается некий пе-ребор. В этих приёмах, а также в полиграфическом оформлении поэмы – строфы набраны вкривь и вкось и шрифтом разного размера – видна некая ложная тенденция, а именно попытка перенести на поверхностный уровень те особенности поэтики Кэрролла, которые в исходном английском тексте расположены на уровне глубинном.

В 1992 г. новосибирская газета «Молодость Сибири», (№ 11 от 8 – 14 марта и № 12 от 15 – 21 марта) поместила перевод Михаила Пухова: «Охота на Снарка: Погония в восьми приступах».

Теперь на суд читателя предлагается перевод Виктора Яковлевича Фета «Охота на Снарка: в Восьми Напастях». Слово «Agony», как видим, оставлено без перевода – можно полагать, по причинам, изложенным выше. Перевод этот ждал своего часа без малого 20 лет: он был выполнен в 1982 г.

Из всех известных мне переводов перевод В. Я. Фета кажется самым лучшим. Чтобы не быть голословным, я приведу первую строфиу поэмы сперва в оригинале, а потом во всех пяти переводах.

Подлинный Льюис Кэрролл (Lewis Carroll):

«Just the place for a Snark!» the Bellman cried,
As he landed his crew with care;
Supporting each man on the top of the tide
By a finger entwined in his hair.

В переводе М. С. Фанченко

«Это место для Снарка,» – Глашатай сказал
И команду на берег отправил.
И за волосы каждого пальцем он взял,
Через море доставив без правил.

В переводе Григория Кружкова

«Вот где водится Снарк!», – возгласил Балабон,
Указав на вершину горы;
И матросов на берег вытаскивал он,
Их подтягивая за вихры.

В переводе Е. В. Клюева

«Это логово Смарка!», – так вскричал
Бомцман, швартую бриг,
И пальцем извлёк из воды англичан,
Поддевая за волосы их.

В переводе Михаила Пухова

«Вот где водится Снарк», – закричал Благозвон,
Выгружая с любовью людей:
Чтоб не сбило волной, он поддерживал их
За волосы пятернёю своей.

В переводе Виктора Фета:

«Здесь мы Снарка найдём! » – Барабанщик изрёк,
И, сказав это, он перенёс
Всех своих моряков с корабля на песок,
Нежно взял их за пряди волос.

Для адекватного восприятия поэмы в целом (а также для правильного понимания поэтики Кэрролла) существенна картина, нарисованная в её первой строфе: руководитель экспедиции за волосы переносит свою команду с корабля на берег, причём делает это с нежностью. Наилучшим образом эту картину сумел передать Виктор Фет.

Виктор ФЕТ

Льюис Кэррол

ОХОТА НА СНАРКА

В ВОСЬМИ НАПАСТЯХ

Напасть Первая. ВЫСАДКА

«Здесь мы Снарка найдем!» – барабанщик изрек,
И, сказав это, он перенес
Всех своих моряков с корабля на песок,
Нежно взяв их за пряди волос.

«Здесь мы Снарка найдем! Я два раза сказал:
Пусть порадует вас эта весть –
Здесь мы Снарка найдем! И я вам не солгал –
Что я трижды скажу – так и есть!»

Он командой своею похвастаться мог:
Были Брючник с Башмачником в ней,
Важный Барристер, знавший закон назубок;
Бакалавр – из ученых людей;

Биллиардный Маркер – он рукою был тверд
И в пути мог служить игроком –
Но Банкир был заранее нанят на борт
И казну содержал под замком.

Там был также Бобер – он дремал на тюках
Или молча вязал кружева;
Этим судно спасал он – неведомо как –
От крушений не раз и не два.

И еще один был – тот, что всю свою кладь
При посадке оставил у трапа;
Позабыл он часы в экспедицию взять,
Драгоценности, кольца и шляпу.

Сорок два чемодана, довольно больших,
Снаряжение его составляли;
Он велел написать свое имя на них –
Но оставил их все на причале.

И печальней всего было в этом не то,
Что одежду оставил он с ними –
Не забыл натянуть он четыре пальто,
Но, к несчастью, забыл свое имя!

Отзывался он, впрочем, на первый же крик –
На «привет!», на «чего-ж-ты стоишь!»,
«Чтоб-тебя-заварили!», «сгори-твой-парик!»,
В основном же на «как-тебя-бишь!».

Много разных имен приобрел себе он,
И на все отвечать был готов,
И для тех, с кем он близок, был он – Сырный Огрызок,
И Огарок Свечной – для врагов.

«Он умом небогат и нескладен собой –
Говорил Барабанщик в пути, –
Но он смел! А таким быть обязан любой,
Кто решился на Снарка пойти!».

Он в дороге, шутя, головою кивал
Каждой встречной свирепой гиене,
А однажды с медведем в обнимку гулял –
Чтоб улучшить тому настроенье.

Был, как Булочник, принят он в этот поход,
Но позднее открыл свой секрет –
Он признался, что только Бисквиты печет,
А условий для этого нет!

И последний по списку, по правде сказать,
Он был туп, но полезен для дела:
Об одном только Снарке он мог размышлять,
Лишь одна эта мысль им владела!

Браконьером был взят в экспедицию он,
Но поздней известил моряков –
Барабанщик был новостью этой сражен –
Что стреляет он только Бобров!

Барабанщик сказал ему, скрыв свой испуг,
Что на судне – единственный зверь,
Смерть которого будет, случись она вдруг,
Тяжелее любой из потерь!

А несчастный Бобер, услыхав эту речь,
Заявил, что в охоте на Снарка
Ожидал он иных непредвиденных встреч,
Но никак не такого подарка!

Предложил он отдельное судно нанять
И на нем Браконьера везти.
Но сказал Барабанщик, что планы менять
Не намерен во время пути:

Не настолько, мол, сведущ он в деле морском,
И уж если он стал Капитаном,
Обойтись им придется одним кораблем
(И при этом одним барабаном).

Тут Бобру подал Булочник дельный совет:
Чтоб случайной беды избежать,
Надо старенький пулезащитный жилет
Поскорей ему где-то достать.

А Банкир посоветовал – не без причин –
Подписать Договор Страховой,
Даже два: На Предмет Наводненья один,
И на Случай Пожара – другой.

И хотя был подписан такой Договор,
Но с того злополучного дня
Браконьера всегда сторонился Бобер
И боялся его как огня.

Напасть Вторая. РЕЧЬ БАРАБАНЩИКА

Барабанщик имел у команды успех:
Он был прям, и серьезен, и смел;
Его мудрость была очевидной для всех,
Кто хоть раз на него посмотрел!

Превосходную карту взял в плаванье он –
Оценили ее моряки,
Был на ней голубой океан нанесен
Без намека на материки!

«Полюса и Экватор, что придумал Меркатор,
Ни к чему, – Барабанщик сказал, –
Козероги да Раки – лишь условные знаки!»
И его экипаж поддержал:

«Нашей карты листы так ясны и чисты –
Здесь ни точки, ни черточки нет!
А на прочих всегда – острова, города:
Эти карты нам только во вред!»

Это было прекрасно, но потом стало ясно,
Когда вышли они в океан,
Что считал он нетрудным управление судном –
Надо только стучать в барабан!

Он заботился мало о врашены штурвала
И команды любил отдавать
Вроде «право руля, влево нос корабля!» –
Как прикажете это понять?

Иногда по команде, исполненной так,
Судно плыло кормою вперед –
Это был, по словам Барабанщика, знак,
Что корабль «снарковато» идет.

Барабанщика планы были попросту странны,
И никак он поверить не мог,
Что ошибся жестоко и что ветер с Востока
Не погонит корабль на Восток!

Наконец-то земля! Все сошли с корабля
И на берег спустили багаж,
Но тоскливо им стало – только мрачные скалы
Составляли окрестный пейзаж.

Барабанщик, не падая духом, тотчас
Отпустил ободряющим тоном
Пару шуток смешных, что имел про запас –
Но команда ответила стоном.

Чтоб людей приунывших взбодрить и развлечь,
Налил он по стаканчику грота,
И велел им садиться и выслушать речь –
Образец превосходного слога:

«О друзья мои, римляне!» (здесь он не смог
Удержаться от школьных цитат),
Все воспрянули духом и выпили грота,
Трижды крикнув при этом «виват!».

«Плыли много мы месяцев, много недель
(По четыре на месяц возьмем),
Но, увы, не видали мы Снарка досель,
А лишь только мечтали о нем!

Плыли много недель, плыли много мы дней
(Я в неделе семь дней насчитал),
Но ни тени от Снарка на глади морей
Наш корабль до сих пор не встречал!

Так послушайте, братья: должен вам преподать я
Пять примет, точных признаков пять,
Чтоб могли вы всегда, в тот же миг, без труда,
Вожделенного Снарка узнать!

Первый признак – по вкусу: он очень простой,
Как у птичьего молока,
Отличается только своей остротой,
Словно гвоздик внутри башмака!

Снарк не любит особенно рано вставать –
Это тоже одна из примет:
Часто к ужину завтрак он просит подать,
Оставляя наутро обед!

Чувства юмора Снарк совершенно лишен
(Третий признак из этих пяти):
Улыбнуться в ответ не подумает он,
Как изысканно с ним не шутить!

Но зато он в купальных кабинах знаток
(Вот четвертая Снарка примета),
Он считает, что в них красота есть и прок –
Но сужденье сомнительно это.

Пятый признак – тщеславье. Теперь перейдем
К описанию разных мастей –
От летающих Снарков, покрытых пером,
До владельцев усов и когтей.

Сами Снарки безвредны, – он речь продолжал, –
Но среди них, вы обязаны знать,
Есть Буджумы...» – и тут без сознанья упал
Тот, кто звался «Эй-как-тебя-звать!».

Напасть Третья. ИСТОРИЯ БУЛОЧНИКА

И загадку пытались ему загадать,
И горчицу, и джем подносили,
И советы, и сливки пытались давать,
Осыпая хвалой и ванилью.

Он очнулся и молвил: «Поведаю вам,
Что за участь меня ожидает...»
«Тишина!» – Барабанщик сказал морякам, –
«Даже громко кричать запрещаю!»

И при слове таком все замолкли кругом,
Воцарилась великая тишина,
И возвышенным стилем рассказал свою быль им
Тот, кто звался «Эй-как-тебя-бишь!».

«Были бедны, но честны отец мой и мать...»
Барабанщик прервал: «Покороче!
Время дорого! Снарка уже не поймать,
Если дело приблизится к ночи!»

«Пропущу сорок лет, – был смиренный ответ, –
И начну свою быль с того дня,
Когда, судно свое снаряжая в поход,
Вы на палубу взяли меня.

Я простился в тот день с добрым дядей моим,
И тогда же совет мне был дан...»
«Пропусти это все!» – Барабанщик сказал
И сердито пробил в барабан.

«Говорил дядя так, – продолжал сей простак, –
Настоящего Снарка б найти вам!
Заменяет он травы и любые приправы,
И при случае служит огнivом.

Ты с надеждой пытаешься его отыскать
И с наперстком в руках подстеречь,
И на вилку его, и на вексель поймать,
И на смех, и на мыло привлечь...»

(«Что ж такого? – сказал Барабанщик сурово, –
Этот способ охоты не нов;
Я уверен, что этот испытанный метод
Должен помнить любой снарков!»)

«Но, племянник мой милый, страшись одного –
Если Снарк твой случится Буджумом!
Сгинешь ты без следа, лишь увидишь его,
Без волнения, крика и шума!»

«Вот что, вот что меня с той поры и страшит,
И гнетет мою душу давно;
И, как в чашке кисель, мое сердце дрожит,
И, как студень, трясется оно!

Вот что, вот что...» – «Да хватит уже повторять! –
Оборвал Барабанщик в сердцах.
Молвил Булочник: «Трижды я должен сказать:
Вот что, вот что питает мой страх!

Каждой ночью ко мне Снарк приходит во сне
Светозарным виденьем счастливым,
Заменяет он травы и любые приправы
И безропотно служит огнivом!

Но я знаю (и в этом вполне убежден),
Что, лишь только Буджума я встречу, –
В тот же миг, без следа, сгину я навсегда
И пропажи своей не замечу!»

Напасть Четвертая. ОХОТА

«Почему же ты раньше таился от нас? –
Барабанщик промолвил в тревоге, –
Как-то странно об этом услышать сейчас, –
Снарк уже, так сказать, на пороге!

Нам с тобою, признаться, будет жалко расстаться,
Если ты пропадешь без следа;
Для чего же тогда до прибытия сюда
Ты скрывал, что возможна беда?

Как-то странно об этом услышать сейчас...» –
«Я от вас не скрывал ничего!
И еще в день отплытия все успел вам открыть я!» –
Отвечал ему «Как-бишь-его».

«Обвиненье в убийстве принять я могу,
В недостатке ума или в лени,
Но намека на то, что намеренно лгу,
Нету в списке моих преступлений!

И по-польски пытался я все рассказать,
И по-гречески предстерьечь,
И по-древнееврейски – но мог ли я знать,
Что нужна здесь английская речь?...»

«Нам досадно, что так получилось, поверь, –
Барабанщик в ответ произнес, –
Но бессмысленно спорить об этом теперь,
Ибо всем уже ясен вопрос.

Свою речь завершить я успею потом,
Когда выдастся время в пути,
А сейчас – не забудьте о долгे святом:
Мы обязаны Снарка найти!

Вы с надеждой пытайтесь его отыскать,
И с наперстком в руках подстерьечь,
И на вилку его, и на вексель поймать,
И на смех, и на мыло привлечь!

Заурядные способы здесь не годны –
Снарки просто на них не идут;
Все, на что вы горазды, вы сделать должны,
Каждый случай используйте тут!

И, друзья мои, помните: Англия ждет...
Впрочем, хватит известных цитат;
Все, что нужным сочтете, подготовьте к охоте,
Чтоб с победой вернуться назад!»

Тут Банкир векселя всем подписывать стал
И гроши разменял на банкноты;
Брючник вынул наперсток и петли метал
(это был его способ охоты).

Толстый Булочник баки пригласил сперва,
А затем начал пудриться он;
А Бобер преспокойно вязал кружева –
Этим Барристер был возмущен.

Он и раньше за это Бобра укорял –
В кружевах он усматривал зло,
Много дел обнаружив, где вязание кружев
К преступлениям прямо вело!

Взяв точильный бруск, заострили совок
Брадобрей с Бакалавром вдвоем;
Биллиардный Маркер кончик носа натер
Припасенным в кармане мелком.

Браконьер пристегнул кружевной воротник
И достал элегантный лорнет,
Говоря, что ходить на охоту привык,
Нарядясь, как на званый обед!

«Встретив Снарка, – сказал он, – я шляпу сниму,
Мне теперь с ним нестыдно сразиться!»
И с тоской Барабанщик ответил ему:
«Если только дождя не случится!»

Увидав Браконьера смущенным, Бобер
Триумфально запрыгал вокруг,
Даже Булочник (хотя он и был не хитер)
Подмигнул им с улыбкою вдруг.

Барабанщик тогда Браконьеру сказал:
«Будь мужчиной и плакать не смей!
Если встретим мы птицу Джаб-Джаб среди скал,
Нелегко будет справиться с ней!»

Напасть Пятая. ПРОСВЕЩЕНИЕ БОБРА

И с надеждой пытались его отыскать,
И с наперстком в руках подстеречь,
И на вилку его, и на вексель поймать,
И на смех, и на мыло привлечь.

Дерзкий план предложил Браконьер – одному
Вверх пройти по угрюмой долине;
Выбрать место такое хотелось ему,
Где людей не бывало доныне.

На разведку пойти захотел и Бобер,
Тот же самый наметил он путь:
И, хоть рядом шагал нежеланный партнер,
Не подумал он даже свернуть!

Каждый думал о Снарке, о долгे своем,
О грядущей жестокой борьбе,
И, хотя они вышли в разведку вдвоем,
Каждый шел из них сам по себе!

Но ущелье кругом все тесней и тесней,
Всюду мрачные скалы одни –
Не от доброго сердца, от страха скорей,
Прижимались друг к другу они.

Вдруг, взорвав небеса, страшный крик раздался –
Небывалый, пронзительный вой –
И несчастный Бобер, позабыв про раздор,
Так и стал, где стоял, чуть живой.

Браконьер, испытав на мгновение страх,
Вспомнить детство при этом успел –
Словно грифель на школьной доске, в небесах
Этот голос ужасный скрипел!

«Это голос Джаб-Джаб! – осенило его
(Был не так уж он туп, вероятно).
Но сказать только раз – не сказать ничего:
Должен я повторить троекратно!

Это крики Джаб-Джаб! Аккуратно считай,
Я уже это дважды сказал!
Это песня Джаб-Джаб! А теперь – отвечай,
Сколько возгласов ты насчитал?»

Но Бобер, от хвоста и до кончиков лап
Став от ужаса белым как мел,
Так напуган был страшною птицей Джаб-Джаб,
Что до трех сосчитать не сумел.

Он слова Браконьера ловил на лету,
Но, поймав их два раза подряд,
Запырялся, и сбился на третьем счету,
И не знал, как найти результат.

Он сказал чуть не плача: «Непростая задача!
Это вряд ли удастся кому!
Мне лишь в детстве, случалось, прибавлять удавалось
Кое-что – но не Два к Одному!»

«Это сделать несложно! Это должно и можно!
Это нужно! – сказал Браконьер, –
Собери свои силы! Дай перо и чернила!
Я решу тебе этот пример!»

Притащил Браконьеру чернила Бобер
И подал ему перья с почтеньем;
И повылезли странные твари из нор,
И воззрились на них с удивлением.

Браконьер их не видел – он был увлечен:
В руку каждую взял по перу,
Объяснял свой прием он простым языком,
Чтобы было понятно Бобру:

«Если Тройку за цифру исходную взять,
Что мы делаем с нею, смотри:
Умножаем, прибавивши Десять и Пять,
На Пятьсот минус Восемью Три.

Разделив на Четыреста Семьдесят Шесть
(В этой цифре сомнения нет),
Отнимаем Пятнадцать. Решение есть!
Получился искомый ответ!

Был бы я посвободней, а ты поумней –
Мы бы занялись этим итогом,
Доказательство можно бы сделать ясней;
Но сказать еще надо о многом.

Я увидел сейчас то, что прежде для нас
Было скрыто меж Тайн Мирозданья;
Чтобы понял меня ты, я – без всякой оплаты –
Преподам тебе Естествознанье!...»

(Так могла его речь нескончаемо течь –
Он забыл этикет и не знал,
Что без должных введений этот стиль рассуждений
Может в Обществе вызвать скандал.)

«Знай, что птица Джаб-Джаб может страх навести:
Постоянно в волненьи она,
Ибо носит одежду, что в моду войти
Только через столетье должна!

Но зато она в свете имеет успех,
Подношений она не берет;
Убеждает на бедных пожертвовать всех,
Между тем как сама не дает.

Тех, кто в жизни хоть раз повстречается с ней,
Узнает среди множества лиц;
Ее нежное мясо гораздо вкусней
Устриц, рыбы, куриных яиц;

И в чернила ты можешь его окунуть,
И акридами с клеем приправить,
И в опилках сварить, но смотри – не забудь
Симметричную форму оставить!...»

Он бы с радостью этот Урок продолжал,
Но темнеть уже стало вокруг,
И от счастья всплакнул Браконьер и сказал,
Что Бобер – его истинный друг!

И сияющий взор благодарный Бобер
Подарил Браконьеру в ответ.
В пять минут он постиг то, о чем бы из книг
Не узнал и за семьдесят лет!

Увидав, что в обнимку вернулись они,
И сперва не найдя даже слов,
Барабанщик признал: «Окупились те дни,
Что прошли среди бурных валов!»

И едва ли чья дружба бывала такой,
Как союз Браконьера с Бобром:
С этих пор постоянно – зимой ли, весной –
Все встречали их только вдвоем.

А случалось возникнуть раздорам пустым –
Кто же в дружбе раздоров избег? –
Песня птицы Джаб-Джаб тут же слышалась им
И скрепляла их дружбу навек!

Напасть Шестая. СОН БАРИСТЕРА

И с надеждой пытались его отыскать,
И с наперстком в руках подстеречь,
И на вилку его, и на вексель поймать,
И на смех, и на мыло привлечь.

Важный Барристер вскоре изнемог уже в споре
О вязании кружев Бобром –
Он устал не на шутку, и прилег на минутку,
И забылся чудеснейшим сном.

И во сне позабыл он заботы свои,
Долгожданного Снарка узрев –
Тот в суде выступал адвокатом свиньи,
Самовольно покинувшей хлев.

Снарк сначала Свидетелей в Суд пригласил,
И они, не тая ничего,
Показали, что явно покинутым был
Данный хлев при осмотре его.

Но не мог ни один из Присяжных понять
Обвинения этого суть –
Три часа ее Снарку пришлось объяснять,
Чтобы дело продвинуть чуть-чуть.

Все Присяжные, прежде чем начался суд,
Свои мненья уже записали,
Но прочли их все хором, и что-нибудь тут
Разобрать можно было едва ли.

И Судья произнес: «Возникает вопрос...»
Но прервал его Снарк: «Вы не правы!
Это сложное дело объясняет всецело
Древний опыт вассального права!

Если мы обвиненые предъявим в Измене,
То Банкротства могло и не быть –
Ведь клиент мой не мог и Подкоп, и Подлог
Одновременно осуществить!

А поскольку Свидетели были правы,
А на тяжбу расходы нужны –
Самый факт Покидания Хлева, увы,
Не является фактом вины!

Вам на суд подзащитную я отдаю!» –
Снарк закончил свое выступленье
И добавил, садясь: «Я просил бы Судью
Сделать краткий итог обсужденью!»

Но Судья абсолютно неопытен был –
Ничего подытожить не мог;
Добрый Снарк в этой роли Судью заменил,
И подвел он блестящий итог.

А когда наконец до вердикта дошло,
Снарк обязан был выступить снова:
Оказалось, Присяжным весьма тяжело
Вслух сказать это трудное слово!

Снарк достаточно был с этим делом знаком
И усталости не показал:
Произнес он «ВИНОВНА!» – при слове таком
Содрогнулся испуганный зал!

И Судья, от волнения еле живой,
К Снарку руки с мольбою простер,
И опять-таки Снарк в тишине гробовой
За Судью прочитал приговор.

Присудил он к пожизненной ссылке свинью,
Со взысканьем ста фунтов потом;
Но такой приговор не устроил Судью –
Было что-то неправильно в нем.

А тюремщик сказал, что назначенный штраф,
Да и самая ссылка сперва,
Представляют собой ущемление прав –
Ведь свинья уже год как мертва!

И из зала Суда удалился Судья,
И Присяжные вышли гурьбой,
Снарк, рассерженный, в гневе бросил Дело о Хлеве,
Хлопнув дверью Суда за собой.

Важный Барристер вскоре изнемог уже в споре
О вязании кружев Бобром –
Он устал не на шутку, и прилег на минутку,
И забылся чудеснейшим сном.

И во сне позабыл он заботы свои,
Долгожданного Снарка узрев –
Тот в суде выступал адвокатом свиньи,
Самовольно покинувшей хлев.

Снарк сначала Свидетелей в Суд пригласил,
И они, не тая ничего,
Показали, что явно покинутым был
Данный хлев при осмотре его.

Но не мог ни один из Присяжных понять
Обвинения этого суть –
Три часа ее Снарку пришлось объяснять,
Чтобы дело продвинуть чуть-чуть.

Все Присяжные, прежде чем начался суд,
Свои мненья уже записали,
Но прочли их все хором, и что-нибудь тут
Разобрать можно было едва ли.

И Судья произнес: «Возникает вопрос...»
Но прервал его Снарк: «Вы не правы!
Это сложное дело объясняет всецело
Древний опыт вассального права!

Если мы обвиненые предъявим в Измене,
То Банкротства могло и не быть –
Ведь клиент мой не мог и Подкоп, и Подлог
Одновременно осуществить!

А поскольку Свидетели были правы,
А на тяжбу расходы нужны –
Самый факт Покидания Хлева, увы,
Не является фактом вины!

Вам на суд подзащитную я отдаю!» –
Снарк закончил свое выступление
И добавил, садясь: «Я просил бы Судью
Сделать краткий итог обсужденю!»

Но Судья абсолютно неопытен был –
Ничего подытожить не мог;
Добрый Снарк в этой роли Судью заменил,
И подвел он блестящий итог.

А когда наконец до вердикта дошло,
Снарк обязан был выступить снова:
Оказалось, Присяжным весьма тяжело
Вслух сказать это трудное слово!

Снарк достаточно был с этим делом знаком
И усталости не показал:
Произнес он «ВИНОВНА!» – при слове таком
Содрогнулся испуганный зал!

И Судья, от волнения еле живой,
К Снарку руки с мольбою простер,
И опять-таки Снарк в тишине гробовой
За Судью прочитал приговор.

Присудил он к пожизненной ссылке свинью,
Со взысканьем ста фунтов потом;
Но такой приговор не устроил Судью –
Было что-то неправильно в нем.

А тюремщик сказал, что назначенный штраф,
Да и самая ссылка сперва,
Представляют собой ущемление прав –
Ведь свинья уже год как мертва!

И из зала Суда удалился Судья,
И Присяжные вышли гурьбой,
Снарк, рассерженный, в гневе бросил Дело о Хлeve,
Хлопнув дверью Суда за собой.

Много раз ему вслед прозвучал этот стук,
Нарастая вокруг непрестанно,
И дремавший юрист пробудился на звук
Поднимавшего всех барабана.

Напасть Седьмая. СУДЬБА БАНКИРА

И с надеждой пытались его отыскать,
И с наперстком в руках подстеречь,
И на вилку его, и на вексель поймать,
И на смех, и на мыло привлечь,

И Банкир, невеселый минуту назад,
Вдруг почуял отваги прилив,
И внезапно рванулся вперед наугад,
Всю компанию опередив.

Но пока он охотился с вилкой в руках,
Брандашмыг подлетел к нему сбоку,
И схватил – и несчастный почувствовал страх:
Ведь в полетах не видел он проку.

Не желая в глазах Брандашмыга упасть,
Выкуп он предложил заплатить,
Но в ответ исполин распахнул свою пасть,
Чтоб Банкира получше схватить.

С визгом вырвался тот из свирепственных жвал,
Побежал, завертелся волчком,
И кричал, и скакал, и петлял он, пока
Не свалился на землю ничком.

Все сбежались на крик, и удрал Брандашмыг,
Этот хищник злопастный и жадный;
Барабанщик вздохнул, на Банкира взглянул
И пробил в барабан безотрадно.

С почерневшим лицом – столь велик был испуг –
Тот лежал и дышал еле-еле,
(Любопытная вещь: и жилет, и сюртук
От испуга на нем побелели!)

Поднялся он в парадном костюме с земли,
Сел на стул, погремушкой потряс –
Все вокруг в изумленье и ужас пришли
От его необычных гримас.

Он бессмыслицу нес и царапал свой нос,
Напевая лишенную слов
Мюзикальную фразу – окружающим сразу
Стало ясно, что он нездоров.

И сказал Барабанщик: «Его не спасти!
Видно, так уж ему суждено!
В путь, друзья мои! Помните: Снарка найти
Надо, прежде чем станет темно!»

Напасть Восьмая. ПРОПАЖА

И с надеждой пытались его отыскать,
И с наперстком в руках подстеречь,
И на вилку его, и на вексель поймать,
И на смех, и на мыло привлечь.

Но при мысли, что может не сбыться мечта,
Всех охватывал дикий испуг,
И Бобер, поднимаясь на кончик хвоста,
Озирался все чаще вокруг.

Вдруг послышался крик. «Это Как-тебя-там! –
Барабанщик сказал остальным, –
Вон он пляшет и скакет! Но что ж это значит?
Верно, Снарк уже там, рядом с ним!»

Браконьер произнес: «Я такого не ждал!
А ведь мы на него были злы!»
Где же Булочник, где он? Отважный стоял
На вершине соседней скалы.

Неподвижный сперва — вдруг он сжался комком,
И покуда все в страхе смотрели,
Подскочил, закричал и смертельный прыжком
Устремился с обрыва в ущелье!

«Это Снарк!» — тут послышалось явственно всем
Имя, ведшее их на борьбу;
Неожиданный смех раздался вслед за тем,
А за ним громкий крик: «Это Бу!...»

Тишина. И едва ли (как иные считали)
Легкий вздох им послышаться мог
Наподобие «джум!» — нет, скорей это был
Мимолетный морской ветерок.

И они до заката искали толпой,
Но следа не нашли никакого
Там, где Снарка настиг безымянный герой,
Где он молвил последнее слово.

В этот миг он пропал — незаметно для всех,
Без волнения, крика и шума,
В этот миг прервался его радостный смех, —
Видно, Снарк оказался Буджумом.

К ВОСТОКУ ОТ СОЛНЦА

Выпуск 3. Стихи и переводы

Редакторы-составители
И. И. Воробьев, В. О. Красавчиков

Редактор С. Д. Андреева
Верстка О. Г. Заварзиной

Подписано в печать 22.10.2001 г.
Формат 60×84 1/16. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 400 экз.
Заказ № 526

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998 г.
Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.